

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ислам и халифат. — Первые завоевания халифов. — Восточная Римская империя. — Положение дел на Западе: Вестготское государство; франкские государства. — Карл Мартелл и арабы. — Бонифаций и Пипин I

Аравия представляет собой самый западный из трех больших полуостровов, которые выступают из материка Азии с южной стороны, как Балканский, Апеннинский и Пиренейский полуострова из материка Европы. Это сплошная большая возвышенность, по своей территории в пять раз превосходящая территорию Германии; на юге и северо-западе она почти сплошь занята пустынями, а на северо-востоке примыкает к пустыням Передней Азии. Древние различали *Счастливую Аравию* (Йемен на западном берегу, близ Красного моря), *Каменистую* (с Синайским полуостровом) и *Песчаную* (внутри полуострова). Красноречивые писатели не раз описывали эту внутреннюю и наибольшую часть Аравии. «В печальной глуши Аравии, — так говорит Гиббон, — простирается безграничная песчаная равнина, пересекаемая только островерхими и голыми горными возвышенностями, — дикая пустыня, выжженная отвесными и палящими лучами солнца, от которых негде укрыться, негде приютиться в отрадной тени. Ветры, дующие здесь, не освежают воздуха, а напротив, разносят повсюду вредные, даже смертоносные испарения: свободно разгуливая по пустынному простору, они то вздымают, то вновь развеивают песчаные горы, подобные волнам океана. Ручьи, ниспадающие с гор, быстро поглощаются алчущей землей; редкая и жесткая растительность, наподобие тамаринда и акации, запуская свои корни в расщелины скал, питается одной ночной росой; скудный запас воды хранится в цистернах и водопроводах, и странник, истомленный тяжким дневным переходом, часто не находит влаги для утоления своей мучительной жажды, потому что ему противен вкус воды, протекающей по руслу, насыщенному серой или солью». Среди населения Аравии с давних времен различают *хаддези* — оседлых арабов и *бедави* — кочевые племена пустыни. Первые вели оживленную торговлю продуктами благодатной береговой полосы — например, ладаном, а теперь — кофе; но главную силу нации составляли *бедуины*, населяющие пустыню: в их среде развились главные отличительные черты этого мощного племени — его чрезвычайная умеренность и страстное стремление к независимости. Однообразие пространства широко раскинувшейся кругом пустыни прерывается только редкими группами финиковых пальм и акаций; конь, чистой расу которого ведут, по преданию, от конюшен царя Соломона, и терпеливый, неутомимый, выносливый верблюд служат этому народу кораблями среди песчаного моря и переносят этих худощавых, сожженных солнцем, сильно развитых скитальцев пустыни от оазиса к оазису. Эти беду-

ины с древнейших времен жили тем, что сопровождали или грабили торговые караваны, которые тянулись через их страну по древним путям, соединяющим культурные страны. Распавшись на множество мелких племен под начальством *шейхов* и *эмиров*, бедуины вели между собой частые войны. Какой-нибудь пустяк — ранение верблюда или пользование колодезем в пустыне — возбуждал иногда ненависть, приводил к убийству и кровавой

*Женщина, погоняющая верблюдов.
Миниатюра XIII в.*

мести, которая затем переходила из рода в род и длила распрю целые поколения, десятки и даже сотни лет. Этот дикий обычай, как и многие другие, смягчался благотворным гостеприимством, естественно проистекающим из условий жизни, но, тем не менее, ценным в этой стране, в которой и теперь насчитывают не более 4–5 миллионов жителей на всем громадном пространстве. Среди всех восточных народов арабы могут быть названы единственным, способным понимать свободу в европейском смысле. Это деятельный, подвижный, тонкий народ, от природы одаренный расположением к поэзии, умением облекать свою

мысль в красивые формы и естественным красноречием, которое у многих проявлялось с особой силой и выразительностью. В то же время в них, как и во всех соплеменных им семитах, нет ни малейшего расположения ни к пластике, ни к живописи. Их религия во все времена состояла в поклонении звездам; они с верой и глубоким благоговением взирали на звезды, по которым ночью направляли свой путь через неизмеримую пустыню. Как ни сильно была развита их фантазия, как ни были они постоянно расположены слушать рассказы, — у них не сложилось никаких мифов; им известны были немногие божества только по имени, но зато многим предметам внешней природы они приписывали таинственные, волшебные силы. Один из таких предметов — черный, с неба упавший камень, метеорит, издревле служил в *Мекке* предметом почитания. Покрытый священным шатром или окруженный стенами дома, он составлял под названием *Каабы* величайшую святыню для всех арабов, и к этой святыне уже издревле отовсюду стекались паломники¹.

¹ Теперь этот камень вставлен в стену меккской мечети. «Кааба» — значит дом или жилище.

Именно в Мекке, городе, расположенном среди наименее плодородной части Счастливой Аравии, в нескольких днях пути от Аравийского залива, в племени курайшитов, родился человек, которому суждено было ввести никому не ведомых арабов в ряд исторических наций. Это был *Мухаммед* (или *Магомет*), сын Абдаллаха (около 569 г. н. э.). Легенда всякого рода чудесами украсила его юность, протекавшую так, как обыкновенно у арабов. Рано осиротев, он рос в нужде у

Мухаммед.

своего дяди Абу Талиба; его юность была богата сильными религиозными впечатлениями и побуждениями. В Мекке в могущественном племени *курайшитов* издавна существовал раздор между богатым аристократическим слоем и более бедным или менее знатным родом *хашимитов*. Мухаммед принадлежал к этому роду; повзрослев, он поступил на службу к богатой вдове из весьма уважаемой фамилии — *Хадидже*, сначала вел ее торговые дела, а потом женился на ней. Во время торговых путешествий он встречался и с евреями, которых, как повсюду, в этих странах было немало; сходилась и с христианами, которые из греческих местностей попадали в Аравию, убегая от догматических споров и религиозных преследований. От них он узнал сущность их веры, познакомился с их суевериями и наравне со многими из своих почувствовал, что в душу его закрадывается дух сомнения в силе и мощи кумиров, которые были созданы народным поверием. Это возбуждающе подействовало на его дух, одинаково способный и к поэтическому полету, и к кропотливой, серьезной работе мысли: он стал искать уединения, где мог бы свободно заняться обдумыванием воспринятых впечатлений, и все более и более углублялся в те загадочные вопросы, на которые они его наводили. Тут его уму, склонному к мечтательности и возбуждению, а может быть, и омраченному неким телесным недугом, обычным в тех странах, стали представляться видения: ангел Джабраил принес ему заветы Бога (*Аллаха*), начертанные на серебряной ткани. С необычайной силой ожило в его душе представление о божестве, издревле присущее всем семитическим племенам, крепком, мощном, высшем, и перед этим единым божеством исчезли иные боги и кумиры. Это чудо свершилось в его взволнованной душе, и он почувствовал в себе призвание возвестить всем ту истину, в которую сам уверовал, призвание быть пророком своего народа. Первой уверовавшей

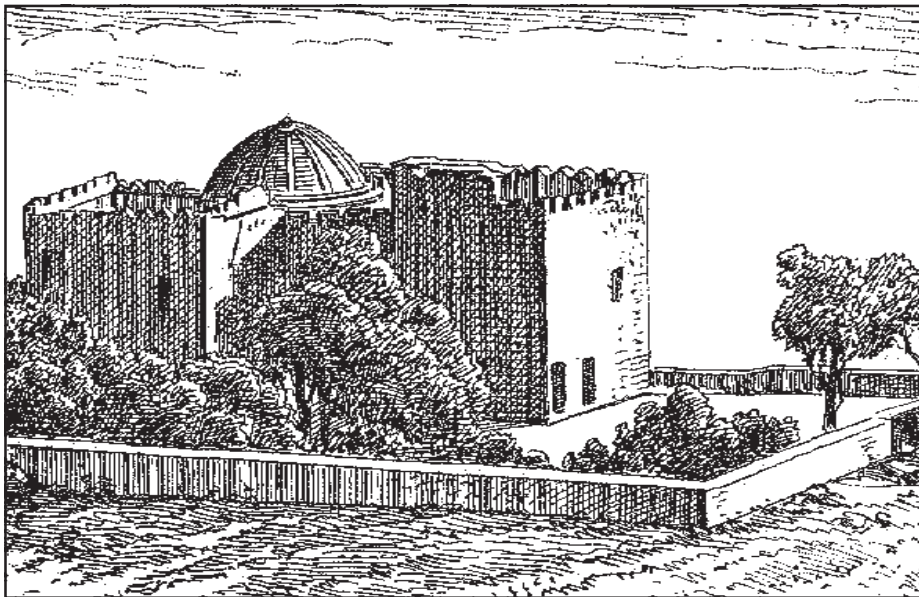
Арабы, навьючивающие верблюда.
Миниатюра XIII в.

в него была его супруга Хадиджа. Ее примеру последовал ее родственник Варака, который в невольном порыве произнес высший догмат ислама: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его». Затем божественное призвание Мухаммеда было признано его рабом Зайдом, родственником Али, тестем Абу Бекром. Не то встретил он среди своего племени, от которого не скрыл ниспосланного ему откровения. Ему пришлось столкнуться с их своекорыстием и предубеждением, хотя откровение его ничуть не умаляло священного значения Каабы. Убегая от преследований своих земляков, Мухаммед в 622 г. удалился в город *Ясриб*, где многие в него уверовали, и встретил радушный прием. Этот город, лежавший в 60 милях к северу от Мекки на большой караванной дороге в Сирию, стал, таким образом, городом пророка — *Мединой*, или Мадинат ан-наби — городом из городов.

Хиджра. Это бегство Мухаммеда с немногими из верующих с родины на чужбину было событием, составившим эпоху: весь мусульманский мир ведет летоисчисление от «удаления» (*хиджры*) Мухаммеда из Мекки (20 сентября 622 г.). Небольшой кружок верующих вскоре превратился в бродячую толпу воинов. Враждебные действия курайшитов вынудили пророка к насилию, и он сообщил верующим новое откровение, по которому меч был указан ему свыше как «средство к распространению новой веры, ключ к раю и аду». В 624 г. в долине *Бадр* Мухаммед одолел курайшитов. В момент, когда исход битвы колебался, пророк бросил вверх горсть пыли и воскликнул: «Смятение да покроет лицо их!» — и будто бы внес этим смятение в ряды врагов и обратил их в бегство. За первой битвой последовали другие; одно племя за другим присоединялось к счастливому победителю, который в то же время был красноречивым и вдохновенным провозвестником новой веры; его власть начинала возрастать и становиться «царством от мира сего». На седьмой год хиджры (630 г.) он победоносно вступил в Мекку, где велел в Каабе повергнуть все кумиры. Подъем духа, сообщенный им своему народу, увлек его самого. Противодействие, которое он встретил и счастливо превозмог, еще более возвысило его сознание собственного достоинства, как бы слившееся воедино с его религиозным чувством и богопознанием. И вот он уже сам начал священную войну, которая должна была распространить новую веру за пределы Аравии и преподать ее покоренным соседним народам. «Ибо не для шуток создал Аллах землю, — так говорил он, — и небо не для игры». И он, действительно, верил в вероучение, которым пробудил свой народ к исторической жизни.

Ислам. На высоте пророческой славы, всеми признанный главой народа, бесчисленные племена которого слились воедино, одушевленные великим помыслом, Мухаммед умер (632 г.). Его последователи не хотели верить, что он мог умереть: одни говорили, что он вознесся на небо, другие — что удалился на гору Синай, — хотя все современники, все его близкие видели, что он был простой смертный, жил, как и все другие, по обычаю своего народа, был умерен в пище и скромнен в одежде. Его слова, полные глубокого смысла, исходили от полноты души, потрясенной религиозным настроением; высказанные горячо и увлекательно, они невольно зажигали сердца. Последующие

поколения стали далее развивать эти зародыши, так что первоначальная основа его учения была обильно украшена вымыслом: однако нельзя сказать, чтобы она была обезображена до неузнаваемости и первоначальная его сила не утратилась в позднейших формах. Он назвал свое учение «ислам», т. е. подчинение, смирение: это учение, по словам самого Мухаммеда, было последним и высшим откровением Божиим, и все исповедовавшие это учение,

Дом в Медине. Конец XIX в.

*Дает достаточное представление о жилищах средневековых арабов.
Высокие стены дома с зубцами возвышаются над плоской крышей.*

«мусульмане», или «правоверные», видели в нем продолжение закона Моисеева и последующего христианского учения. Свое представление о правоверных они понимают своеобразно; по их мнению, уже Авраам был мусульманином, верным слугой Аллаха, противником язычества, — и вот его веру, веру Авраама, восстановил Мухаммед. При таком взгляде на «правоверие» последователи Мухаммеда — для убеждения иудеев и христиан, живших по соседству с ними или среди них, — ссылались и на закон Моисеев, и на Священное писание как на подтверждение. Они утверждали, что «Утешитель», о котором говорит Спаситель, уже явился в лице Мухаммеда, «последнего и величайшего из пророков, после которого уже не явится более никакой пророк». Источником и главной опорой учения является *Коран*, записанный со слов Мухаммеда приближенными к нему людьми. Эта книга говорит прямо от имени Аллаха, и все ее содержание, как полагают правоверные,

было внушено пророку ангелом Джабраилом. Ислам делится на *учение о вере* и *мораль*. Учение говорит человеку об Аллахе и его пророке и представляет собой строгий монотеизм, допускающий, впрочем, существование ангелов, множество добрых духов, бесплотных, созданных из чистого пламени, исполняющих волю Аллаха и восхваляющих его имя, таких, как *Джабраил* — дух откровения, *Микал*, сражающийся в битвах за правоверных, *Израил* — ангел смерти и *Исрафил*, который должен трубить в трубу в день воскресения мертвых. Другие ангелы, *моакхибаты*, сопровождают смертных по двое каждого — один с правой стороны, другой — с левой и каждый вечер взлетают к престолу Аллаха и докладывают о действиях порученного им смертного. Они признают еще и злого духа — *Азазила* (Сатану), называют его «*Иблис*», т. е. отчаяние, и рассказывают, что прежде он был ангелом, но обращен в злого духа за выказанное им высокомерие и ослушание воле Аллаха, т. к. он отказался оказать почтение Адаму, когда тот был создан, между тем как все другие ангелы исполнили повеление Аллаха. Ислам допускает веру в пророков, которых правоверные насчитывают до 200 тысяч, но шестеро из них возвышаются над всеми остальными: *Адам*, *Нух* (Ной), *Ибрахим* (Авраам), *Муса* (Моисей), *Иса* (Иисус) и Мухаммед. Учение о воскресении мертвых и последнем, *Страшном суде* целиком заимствовано из христианских воззрений, хотя приукрашено фантастическими добавлениями. Когда Исрафил трижды протрубит, начнется Суд. Весь воздух наполнится душами, ищущими своего тела; земля разверзнется, кости застучат друг о друга, складываясь в скелеты; но выйдут на поверхность земли только правоверные, а неверные будут лежать в земле и подняться не смогут. Тогда в руках Джабраила появятся большие весы. На одну чашу весов, светлую, возложат добрые дела, на другую, темную — дурные. Затем все души умерших пойдут через мост Сират для дальнейшего испытания, а тот мост, острый, как лезвие сабли, протянут над бездной преисподней; и вот грешники и неверные, переходя по тому мосту, падут вниз, а праведники перелетят через него, как на крыльях птицы. С особенным тщанием украшает фантазия правоверных описание *рая*. Если правоверный искупит свои грехи и если он был при жизни достойным рая, то он прежде всего освежится у «*Пруда Пророка*», в котором вода сладка как мед, холодна как снег, прозрачна как кристалл; кто той воды изопьет, тот никогда более не будет знать жажды. Потом ангел *Рушван* отворит правоверному праведнику врата рая: все пространство рая усыпано мельчайшей пшеничной мукой; вместо булыжников всюду разбросаны жемчуг и яхонты, и по всему раю текут реки чистой воды, ручьи молока, меда, даже вина, пить которое на земле правоверным воспрещается. Посреди рая растет *таба* — дерево жизни, отягощенное дорогами плодами; оно так громадно, что отличный скакун только в течение 100 лет непрерывного бега мог бы пробежать через его тень. Воздух рая напоен ароматами и оглашается гармоничным шелестом листьев и мелодичным пением дочерей рая, чернооких *гурий*; они предназначены быть подругами правоверных наравне с теми женами, с которыми они жили на земле и прелести которых будут в раю восстановлены. И так будут они там блаженствовать, украшен-

ные венцами из золота и алмазов, окруженные сотнями слуг, есть на золотых блюдах и пить из золотых кубков, не зная ни пресыщения, ни опьянения, среди непрерывного ряда наслаждений. Каждого правоверного, сверх этих, ждут в раю еще иные радости: для изображения их слаб язык человеческий.

Последняя статья Корана толкует о вечном предопределении; она не проведена в Коран со строгой последовательностью. Но этот догмат лежит в основе того сурового представления о божестве и общего настроения, которые свойственны семитическому духу, так что вскоре он получил преобладающую силу. Твердо веруя в силу этого догмата, мусульманин не колеблясь

**Мораль
ислама.**

Мухаммед при осаде крепости Бан ар-Надир.

Миниатюра из арабской «Всемирной истории», написанной в XIV в. Лондон.

Летящий над Мухаммедом ангел Джабраил одной рукой протягивает ему чашу, а другой держит над ним сосуд. Одно из очень редких на мусульманском Востоке изображений пророка.

устремляется в битву: он знает, что день смерти занесен на скрижали вечно-сти; победит ли он, или падет — все равно его ждет райское блаженство.

Из вышеизложенного ясно, что этому верованию недоступны наиболее глубокие религиозные понятия: даже то, что заимствовано исламом из христианского учения, воспринято им только с чисто внешней стороны. Еще более видно это в *мусульманской этике*, которая полностью состоит из правил, касающихся внешней стороны жизни. Всем мусульманам предписываются частые *омовения* с соблюдением точно установленного церемониала и пять ежедневных молитв, при которых правоверный должен обращаться лицом в направлении Мекки, указываемым *минаретами* или молитвенными башнями, с которых возвещается о времени, назначенном для совершения молитв. Сильному впечатлению этой отовсюду раздающейся молитвы правоверных поддался и Абу Суфьян, последний вождь курайшитов: он был поражен им и отрекся от своего неверия. Священным днем недели для всех правоверных положена *пятница* — в этот день в мечетях молятся и проповедуют. Наравне с молитвой важнейшей обязанностью правоверных признается раздача милостыни и пост, которому посвящается целый месяц —

рамазан: «Молитва ведет только полпути к Аллаху, пост приводит к самому его порогу, милостыня ставит перед лицом его», и эта последняя обязанность по отношению к бедным, сирым и «сыну пути» (т. е. страннику или нищему) предписывается правоверным с особой настойчивостью. Сверх этих обязанностей закон Мухаммеда повелевает каждому правоверному, достигшему зрелого возраста, нравственно правоспособному и обладающему известным достатком, хоть раз в жизни совершить странствование в Мекку. Это предписание также способствовало установлению общения между всеми правоверными. Правоверный, решающийся на странствование, делает дома все необходимые распоряжения, совершает дальний путь в одежде простого странника, дабы в Мекке приложиться устами или хотя бы прикоснуться рукой к священному черному камню Каабы, совершить предписываемые обычаями молитвы и обряды, посетить святые места — колодец Земзем, гору Арафат, около которой, против трех столбов, странники бросают семь камней в виде заклинания против злых духов¹.

Завоевательный характер ислама.

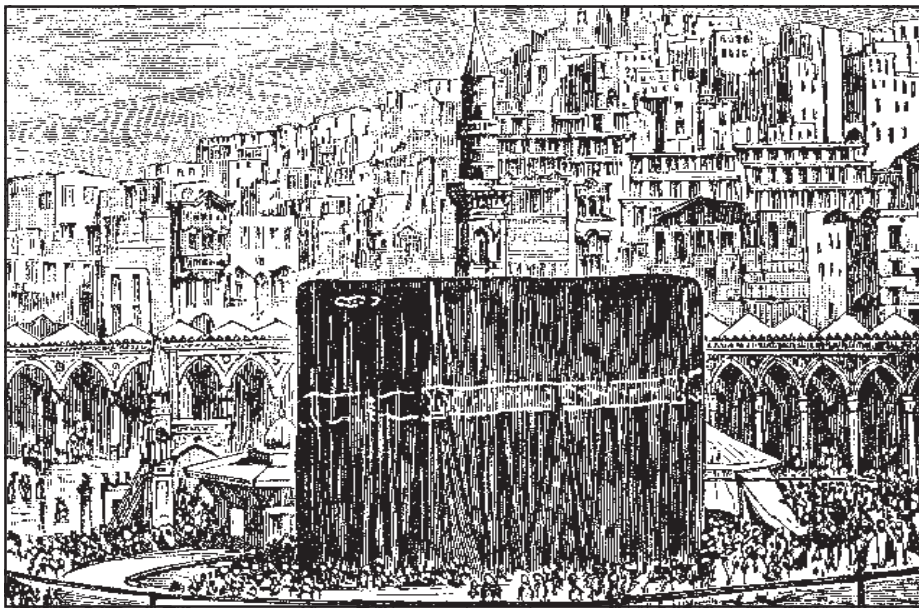
Эта религия выступила теперь с притязанием на всемирное владычество: ее основатель рассчитывал на ее распространение по всему миру, тем более что монотеистическое представление о божестве как бы само по себе предполагает необходимость подобного распространения. Но в этом пункте и проявляется сильнейшая противоположность между исламом и христианством. Спаситель повелел своим ученикам всюду и всем проповедовать радостную весть о наступлении царствия Божия; высшая обязанность каждого правоверного — распространение ислама. Средством для этого является меч, завоевательная война, и Коран прямо указывает на это: «Чьи стопы будут покрыты прахом битв Аллаха, тот в день великого суда будет отстоять от преисподней далее, чем на расстояние, которое самый быстрый конь может пробежать в тысячу лет». И еще: «Убивайте, пролагая пути Аллаха, всех, кто вас убивать хочет; бейтесь с врагами, пока исчезнет всякий соблазн и восторжествует правая вера». Вот с какими побуждениями этот народ вступил на поприще всемирной истории! До того времени судьбы истории почти бесследно его обошли; ни одно из больших мировых государств — ни Ассирия, ни Персия, ни Македония, ни Рим — этой страной не обладали. Еще не затраченной силе нации был вдруг необычайным образом дан толчок вновь явившейся религией, которая немногими ясно выраженными, но простейшими идеями и строго монотеистическими понятиями о Боге удовлетворяла религиозному чувству и в то же время тешила фантазию заманчивыми образами. И какое громадное поприще теперь разом открывалось для этого народа в стремлении к подвигам! Теперь уже речь шла не о жалкой добыче, которую можно было получить от ограбления каравана или во время усобицы между двумя племенами: все усобицы прекратились, все сердца прониклись высоким сознанием нового учения — и алчные взоры воедино слив-

¹ Первыми сведениями об обычаях странствующих в Мекку мусульман мы обязаны немецкому путешественнику Иоганну Людвигу *Буркхардту*, который, преодолев много трудностей и неоднократно подвергая опасности свою жизнь, совершил в 1814 г. путешествие в Мекку в одежде магометанского хаджи.

шейся нации обратились к столицам древнего мира, в которых накопленные веками сокровища по праву должны были перейти в собственность воинов, бившихся во славу Аллаха.

Столетие, к которому относится краткая, но по своим последствиям громадная деятельность Мухаммеда, не успело еще закончиться, как государство халифов, преемников пророка, уже раскинулось от берегов Инда до Геркулесовых столпов. При халифах *Абу Бекре* (632–634) и *Омаре* (634–644) они завладели *Дамаском* (635 г.), *Иерусалимом* (637 г.), *Антиохией*, ниспро-

Первые халифы.

Храм Каабы в Мекке. Вид в конце XIX в.

вергли могущество Персии и все эти страны покорили исламу. Два могущественных государства — Восточное Римское и Персидское, враждовали уже в течение целых веков: нельзя было и помышлять о том, чтобы они вступили в союз для отпора новому грозному врагу. Двадцатый в новой династии персидских царей шахиншах *Хосров Ануширван*, современник и противник Юстиниана, замечательный правитель, которого недаром сравнивали с Дарием I, умер в 579 г. Как и прежде, наследование престола сопровождалось в Персии опасными кризисами. И второй после Ануширвана шах *Хосров* был уже ставленником восточно-римского императора *Маврикия*, у которого он нашел прибежище как изгнанник. После кончины Маврикия (602 г.) ему наследовал его убийца *Фока*, а затем *Ираклий* (610 г.). Хосров, который не хотел признать последнего императором, выступил против него войной и в союзе с аварами и другими врагами империи даже угрожал Константинопо-

Арабский

лю. Но храбрый Ираклий не только отразил это нападение, но и сам вторгся в Персию. Это вторжение вызвало враждебное шаху восстание среди его знати и привело к его падению (628 г.). Персидское царство, таким образом, было ослаблено и потрясено, когда вдруг поднялась новая буря. Последний

халифат.

шах из этой династии, которая в начале III в. н. э. обновила Персидское царство, *Йездегерд III*, разбитый арабами при *Кадезии* к западу от Евфрата и затем при *Нехавенде* в Мидии, вынужден был спасаться бегством. Одновременно с этим по воле великого халифа Омара его гениальные полковод-

цы *Амру* и *Халед*, завоеватель Сирии, захватили *Александрию* (641 г.). При следующем халифе *Османи* (644–656) арабы завладели *Кипром* и *Родосом*, т. к. они уже успели освоиться с морем. Когда же в 656 г. в халифы был возведен *Али*, зять пророка, муж его дочери от *Фатимы*, сразу проявились все непривлекательные стороны восточного государства. *Айша*, некогда бывшая любимейшей из жен пророка, ненавидела нового государя, достигшего власти при помощи брачного союза с дочерью ее соперницы. Халиф *Али* был обвинен в участии в убийстве *Османа*, своего предшественника. Это обвинение

Монеты первых халифов.

основывалось на том, что он не наказал убийц *Османа*, и вот Омейяд *Муавия*, наместник Сирии, курайшит по происхождению, выступил мстителем за убитого халифа, прикрывая этим свои собственные честолюбивые замыслы. В 661 г. халиф *Али* был убит несколькими приверженцами секты, увлекавшейся фантастическими идеалами. Началась борьба между двумя династиями, длившаяся

долгое время из-за догматических препирательств, которые привели к расколу, и поныне разделяющему приверженцев ислама на два враждебных лагеря. Приверженцы *Али* — *шииты* признавали только за родственниками пророка право наследования ему в руководстве народом: они произнесли проклятие трем первым халифам и узурпаторам из дома Омейядов. Для них Коран — единственный источник религиозного познания, между тем как торжествующая партия ссылается еще и на другой источник, на *сунну* или предания — устные изречения пророка, якобы собранные после его смерти. От *сунны* и произошло название этого направления ислама — *сунниты*. Первоначально сунниты одержали верх над шиитами: их религиозные воззрения строже; они считают Коран плодом небесного откровения и собственному мышлению по отношению к этой священной книге оставляют лишь ограниченный простор.

Завоева-
ния. Дом
Омейя-
дов.

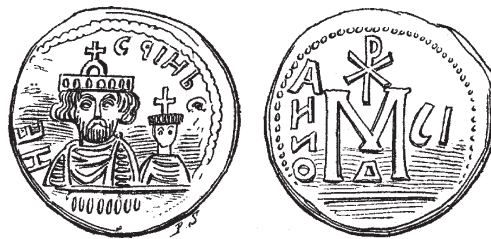
При *Муавии* (661–679), который после смерти *Али* остался единственным халифом, вновь были предприняты завоевания: в 668–675 гг. его войско осаждало даже Константинополь и воевало в его окрестностях. Именно тогда (673 г.) *греческий огонь*, изобретенный сирийским греком *Каллиником*, произвел в арабском флоте страшные опустошения. Дела приняли такой благоприятный оборот, что *Муавия* заключил мир с Восточной Римской империей, только обязавшись годовой данью в ее пользу, и признал существование Римской империи в ее прежнем положении с уплатой денежного откупа. Император *Константин IV* нашел возможность облегчить оборону империи новым разделением ее на военные округа (или *тематы*). Арабы тем временем обратились к завоеванию северного берега Африки: в 697 г., когда в Дамаске, столице Омейядов, правил четвертый из них, *Абд ал-Малик* (с 685 г.), пал *Карфаген*, и после временного перехода в руки византийского полководца с 699 г. навсегда остался в руках правоверных. Свет христианского учения погас по всему африканскому побережью. Южная окраина Сре-

диземного моря, тяжкие приобретения двух тысячелетий на долгое время погибли для христианства и для его культуры, которая и до сих пор не вполне проникла в эти места.

Тут опасность стала грозить западным окраинам бывшей Римской империи. В правление пятого из преемников Муавии, *Валида I* (705–715), государя энергичного и властолюбивого, арабы нашли возможность переправиться через пролив в Испанию, куда путь им был указан и облегчен несчастным положением дел в *Вестготском государстве*.

Валид I.
705 г.

Со времен победы, одержанной Хлодвигом над вестготами, их государство ограничилось почти исключительно Пиренейским полуостровом, и вскоре столица королевства была перенесена в *Толедо*. С Амаларихом, который в 531 г. пал в битве против франков, древняя династия королей прекратилась, и Вестготское государство стало управляться выборными королями. Этим оно было лишено основы к дальнейшему укреплению и развитию, и Восточной Римской империи при Юстиниане вновь удалось завладеть юго-восточным берегом Испании. Религиозная распря между арианством и католическим вероисповеданием здесь проявилась резче, чем где-либо, и вынудила противников арианства к заговорам и поддержке тайных отношений с франками. До некоторой степени зло удалось преодолеть тем, что в конце VI в. король *Рекаред* (586–601) с большинством епископов и народа присоединились к католической церкви. Однако ближайшим следствием этого перехода было возрастание могущества знати. Епископы, приобретшие большое значение, вошли в тесный союз с вельможами; ближайшие преемники Рекареда продолжали придерживаться политики слияния германского и романского элементов населения. В VII в. был обнаружен основанный на римском праве сборник законов (*Forum judicum*) и возвращены под власть вестготских королей части Испании, захваченные Византией. Но и в новом сборнике законов в основу всего государственного устройства была положена избираемость королей; а когда дело доходило до подобных выборов, по их поводу предварительно совещались знатные «палатины», многие из которых насчитывали подобных выборных королей в числе своих предков. Это привело к образованию партий или, скорее, кружков; твердая самостоятельная власть оказалась невозможной. Вестготские крупные земельные собственники, в подчинении у которых находились многочисленные *трибутари* — господствующее военное сословие — были подвержены таким порокам, которые почти всегда и везде бывают последствием подобного общественного положения. Епископы, среди долгих и непрерывных религиозных препирательств утратившие дух христианского смирения и любви и усвоившие этими раздорами только нетерпимость, за недостатком

Серебряная монета Ираклия (610–642).

Вестготское государство в Испании.

еретиков, которых можно было бы преследовать, обратили ее против иудеев, которые поселились в Испании в великом множестве. Каждому разумному человеку стала очевидна грозившая из-за моря опасность. Королю *Эгике* наследовал его сын *Витица*, настойчиво заботившийся о подъеме королевской власти (701 г.); особенно он стремился обуздать своеволие духовенства.

Печать Омара (634—644).

Печать Османа (644—656).

Это привело к новому дроблению на партии, к заговору, к свержению Витицы и избранию нового короля *Родериха* (Родриго). А между тем, у Витицы остались сыновья, его брат *Оппас* был архиепископом Севильским. К их партии присоединился один из вельмож, граф *Юлиан* (Хулиан), занимавший важный пост наместника в Сеуте и уже неоднократно защищавший этот крепкий город против арабов. Из ненависти к Родериху граф Юлиан и Оппас решили позвать на помощь арабов. Они тотчас пришли на помощь: один из подначальных полководцев арабского наместника в Африке, опытный воин *Тарик*¹ высадился на берегу Испании с небольшим войском, к которому вскоре присоединились недовольные христиане и особенно евреи.

Битва
при Хе-
ресе.
711 г.

Первое столкновение Запада с Востоком, ислама с христианством на западноевропейской почве произошло при *Хересе-де-ла-Фронтера*, на правом берегу Гвадалquivира (711 г.). Вестготы, в рядах которых не было единодушия, были разбиты. В трехдневной борьбе вестготское военное государство было сломлено. Последний из вестготских королей Родерих пропал без вести — утонул в Гвадалquivире, если верить романсам, воспевающим эту гибельную борьбу; за этой первой победой, одержанной передовым отрядом мусульманского войска, последовало быстрое и совершенное ниспровержение Вестготского государства *Мусой*, африканским наместником, который переправился в Испанию с грозными силами.

¹ Скала Гибралтара — собственно «Гора Тарика» — до сих пор сохранила память о его имени.

Вестготское господство, длившееся около трех веков и, казалось, имевшее возможность укрепиться, — оказалось настолько слабым, что в самое короткое время все укрепленные пункты страны достались победителям, и те при помощи своих лучших союзников, многочисленных иудеев, так быстро освоились с завоеванной территорией, что и десяти лет не прошло, как арабы попытались завоевать и соседнюю Галлию, положение которой было запутанным и расшатанным, как и положение разрушенного арабами Вестготского государства, и уже потому побуждало к нападению.

Хлотарь II, вновь соединивший все Франкское государство под своей властью, скончался в 628 г. При его наследниках — сыне *Дагоберте I* (628–638) и *Хлодвиге II* (638–657) — единство государства поддерживалось с трудом; после смерти последнего переделы возобновились, и установилась естественная рознь между северными частями царства, где преобладала германская национальность, и южными, где перевес был на стороне романской национальности. К этим двум частям, *Австразии* и *Нейстрии*, добавилась третья — *Бургундия*, которая также заявляла притязания на некоторую самостоятельность и пользовалась ею в такой же степени, как остальные две части Франкского государства, благодаря династическим смутам в королевском доме. Основы государственной жизни во Франкском государстве были тверже и разумнее, нежели в Вестготском. При завоевании страны в распоряжение победителей досталось такое количество земель, что можно было не касаться земельных владений романского населения, так что лишь незначительная его часть была обращена в трибутарию, обложенных постоянным чиншем. Наиболее богатые землевладельцы, а также епископы, большей частью романского происхождения, но единоверные с завоевателями, легко сблизились с новой землевладельческой знатью, которую составляли завоеватели или, вернее, дружинники, принадлежавшие к военной свите короля. Каждый из дружинников получал свою часть из земель, находившихся в распоряжении короля, как *аллод* (*allodium*) или жребий, в полное и наследственное владение, но только с ограничением, — некоторая доля этого владения, т. н. *салическая земля*, не могла переходить по наследству к женщинам, т. к. владелец аллода был обязан нести воинскую службу по защите страны. Но поскольку короли нуждались в постоянном войске, они создавали себе нечто подобное, выделяя из своего королевского земельного владения участки под названием *бенефициев* тем, кто принимал в качестве *левдов* (*leudes*) обязательства постоянной придворной и военной службы при особе короля. Эти бенефиции составля-

Завоевание арабами Испании.

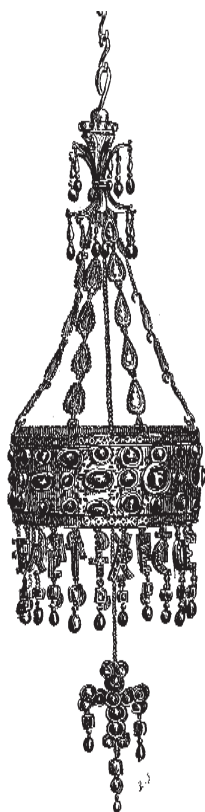

Медная монета халифа Абд ал-Малика.

АВЕРС. В поле — изображение халифа. Он с длинной бородой, длинным мечом и непонятным предметом, напоминающим большую петлю. Надпись по-арабски: «(монета) Абд ал-Малика, раба Аллаха, повелителя правоверных».

РЕВЕРС. В поле — намеренно искаженный византийский крест. Слева от него надпись по-арабски: «полновесная» (монета), справа — «Халеб» (город чеканки). Надпись по кругу: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его». Как и многие более давние арабские монеты, сделана по византийскому образцу — для хождения и на византийской территории.

Франкское государство в VII в.

Корона
вестготского
короля Рекесвинта
(649–672).

Париж. Музей
Клюни.

Эту корону
(диадему) король, по-
видимому, надевал во
время коронации.
Найдена в Испании.

ли, таким образом, нечто вроде вознаграждения за службу, и только король имел право отнять данное им владение, если награжденный оказывался неверным или в чем-либо провинился перед королем. Многие из наиболее богатых свободных людей, получая таким образом сверх своего аллода и королевский бенефиций и принимая за это определенные обязательства, становились в непосредственное и постоянное подчинение королю. Но и крупные землевладельцы, и епископы, у которых церкви также были наделены земельными владениями, нуждались в известного рода правильных служебных отправлениях, а следовательно и в лицах, которые могли бы их отправлять, и этим лицам в виде вознаграждения, опять-таки, выделяли определенные бенефиции из своего аллода. Таким образом, создалась новая политическая система, которой предстояло великое будущее и которая под названием *ленной системы* стала отличительной чертой последующих столетий. Во главе этой системы стоял *король*, при непрерывных походах и вызванных ими ненадежных, неустановившихся отношениях, при общем положении своего народа среди исконного населения страны имевший достаточно возможности проявить власть, в которой все нуждались и на которую все рассчитывали. Свою власть король проявлял в скромных формах: на повозке, влекомой волами, он медленно объезжал страну, всем доступный, останавливаясь в тех местах, куда обычно народ собирался к нему на суд. Названия придворных должностей напоминали собой первоначальное распределение должностей между лицами, служащими в большом хозяйстве: *сенешаль* (*senescalcus*) или управитель, *маршал* (*marescalcus*, иначе *comes stabuli*) — конюший, *camerarius* — хотя все эти титулы, конечно, могли возникнуть под влиянием романизма или византинизма, проявившегося при позднейших императорах. Непосредственно за королем стояли *вельможи* — приматы, князья, оптиматы, как их обычно обозначали древнелатинскими названиями писатели того времени — светская знать, которая уже успела образоваться из старых и новых местных элементов и к которой теперь примкнули представители высших церковных долж-

ностей — епископы и архиепископы в качестве духовной знати. За этой знатью в общественном строе следовали более состоятельные представители свободного населения, большей частью франки, но также и галло-римляне. Из них, когда они принимали на себя какую-нибудь должность (*ministerium*) и соединенный с ней бенефиций, образовалось *чиновничество* и *родовое дворянство*; а из свободных людей, вступавших в подобные служебные отно-

шения к духовной или светской знати — в *министериалы* вельмож или епископов — развилось впоследствии *низшее дворянство*. Эти общественные отношения не были прочными и установившимися, грани между сословиями не были еще ни резко обозначены, ни окончательно определены. С некоторой наивностью этот общественный строй проявляется в параграфах *салического закона*, окончательно приведенного в порядок при Дагоберте I, в VII в., при определении штрафа за убийство. Если убитый принадлежал к дружинникам короля, то штраф, уплачиваемый убийцей в королевскую каз-

Монета Хлотаря II (584–628).

Золотое су Дагоберта I (628–638).

ну или же родственникам убитого, равнялся 600 солидам; если убитый романец принадлежал к кругу застольных товарищей короля — 300 солидам; если обыкновенный франк — 200; 100 солидов платилось за романского землевладельца; 45 — за принадлежавшего к податному сословию. Управление страной и правосудие было поручено *графам* (*comites*), которых назначал сам король. Впрочем, в большинстве городов, особенно перешедших во власть франков путем капитуляции, древнеримское право и римский строй города были оставлены неприкосновенными.

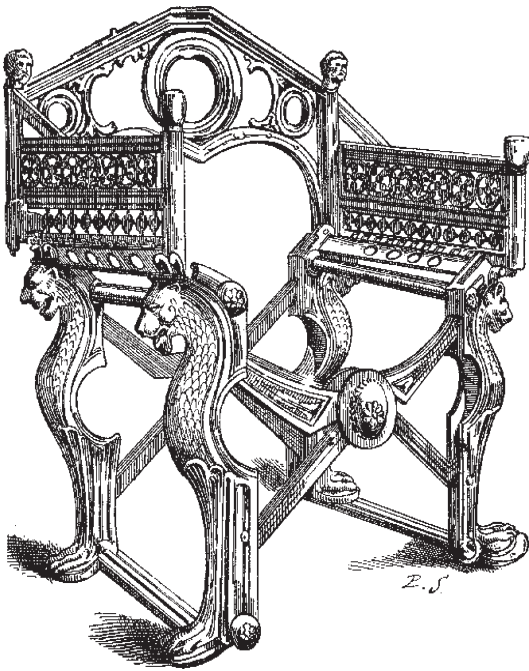
При подобных условиях одно предполагалось существенно важным и необходимым для общего благосостояния: королем должен быть человек сильный. Он мог быть жесток, суров, своеволен, но не слаб. Такая сила долгое время держалась в династии Меровингов, хотя в остальном их дворец был опозорен всеми ужасами варварства и пороками выродившейся римской цивилизации. Правление франкских королей после смерти Хлодвига I характеризуется именно этой причудливой смесью дикого варварства с утонченной испорченностью. Последствия такого ненормального быта не заставили себя ждать: род Меровингов пресекся на короле Дагоберте I, который предавался позорнейшим порокам и излишествам, а между тем рядом с королевской властью успела вырасти новая сила.

Во главе королевской военной свиты стоял особый сановник — *майордом* (*maior domus* — старший в доме), значение которого возрастало с увеличением дома короля и его свиты, а также с увеличением значения королевского дома в управлении всей страной. Это место могло быть предложено только доверенному лицу, а потому майордом избирался, или, по крайней мере, представлялся королю именнейшими из вельмож и сословия благородных. И вот среди австразийского дворянства нашлась родственная королевскому дому фамилия, обладавшая обширными поместьями между Маасом,

Характер
правления
Меровингов.

Майордомы.
Карл
Мартелл.

Мозелем и Рейном. Из ее представителей, наиболее древних, известен *Карломан* (жил ок. 600 г.); его сын *Пипин Ланденский*¹ был майордомом в Австразии при Дагоберте I (622–638). За ним следовал другой крупный представитель того же дома, *Гримоальд*, возбудивший против себя зависть

«Кресло Дагоберта».
Париж. Аббатство Сен-Дени.
Изготовление приписывается святому Элу.
Восстановлено в XII в. Сугерием.

других вельмож и павший ее жертвой. Только *Пипину Геристальскому*, Пипину Среднему, удалось приобрести известность: в одной из усобиц, которые бушевали между вельможами Нейстрии и Австразии из-за господства в земле франков, он разбил Берхера, майордома Нейстрии, при *Тертри* (687 г.). После этого Пипин вынудил ничтожного короля Нейстрии Теодориха III назначить его майордомом Австразии, Нейстрии и Бургундии, следовательно, всего Франкского королевства, воссоединенного победой при Тертри. Тогда же ему был присвоен титул, указывавший, что Пипин был не простым подданным короля: он титуловался князем и герцогом франкским (*dux et princeps Francorum*). Его сын Карл, прозванный впоследствии *Карл Мартелл* (т. е. боевой молот), после долговременной борьбы в 719 г. занял место отца как майордом трех составных частей

государства, сумел поддержать единство этих частей и прославил свой род геройским подвигом, которым значение старинного королевского рода было окончательно подорвано.

Битва при
Пуатье.
732 г.

Могущество халифата при Валиде I и его наследнике *Сулеймане* было более грозным, чем когда-либо. На берегах Инда и на побережьях Атлантического океана войска халифата торжествовали над врагами. В 717 г. новое нападение на Константинополь было с большим трудом отражено, а с 720 г. испанские арабы уже совершали походы за Пиренеи. Герцог *Аквитании* — юго-западной части Галлии, освободившейся от франкского владычества, с величайшими усилиями отражал их нападения. В 732 г. сильное арабское

¹ Эта местность в настоящее время входит в состав Льежской провинции Бельгии.

войско вторично перешло Пиренеи, нанесло герцогу Аквитанскому тяжкое поражение и вынудило его бежать. Тогда он обратился за помощью к могущественному и грозному майордому франков. По-видимому, надвигавшаяся грозная опасность на время прекратила многочисленные раздоры и усобицы как среди самих франков, так и между франками и другими германскими племенами. Карлу удалось собрать большое войско, в состав которого вошли, кроме франков, другие племена германцев: аламанны, бавары, саксы, фризы. Решительная битва произошла в октябре 732 г. на равнине между Туром и Пуатье. День этой битвы был одним из важных поворотных пунктов истории человечества: здесь, как при Саламине или на Каталунских полях, судьба многих народов зависела от исхода борьбы двух войск. Подробности битвы неизвестны, хотя с полной ясностью можно представить, какие побуждения и страстные порывы волновали воинов, входивших в состав войск. Войско Абд ар-Рахмана было одушевлено пламенем веры в Аллаха и его пророка, который уже предал царства и народы во власть правоверных, и гордостью победителей и той алчностью добычи, для которой все уже одержанные победы и захваты служили только ступенями к дальнейшим успехам, завоеваниям и обогащениям. Религиозный энтузиазм был велик и в христианском войске, хотя сведений об особом усердии духовенства нет, известно только, что довольно значительная часть войска Карла состояла из язычников. Но франки знали, за что бьются: они уже успели свыкнуться с прекрасной страной, которую приобрели своим мужеством и мужеством своих предков, и готовились горячо постоять за нее. Главная сила арабов проявлялась в их стремительном натиске, наводившем ужас на врагов; главная сила северян — в спокойной обороне: «Они стояли как неподвижная стена, как ледяной пояс». Карл, очевидно, позаботился предварительно познакомить своих воинов с арабской тактикой, некоторую уверенность им придавало сознание своего превосходства перед арабами в физических силах. Искусное обходное движение герцога Аквитанского способствовало одержанной полной победе — на другой день шатры арабского стана оказались пустыми, и можно было спокойно взять весьма значительную добычу.

Единодушие, которому была обязана эта победа, было недолгим. Впоследствии Карлу вновь пришлось бороться и с фризами, и с саксами, и с герцогом Аквитанским, и с нейстрийскими вельможами, которые не брезговали даже предательской связью с мусульманами, вследствие чего те еще много раз вторгались во Франкское государство, опустошая весь его юго-восток до самого Лиона. Только в 739 г. Карлу удалось в союзе с лангобардским королем *Литпрандом* окончательно справиться и с арабами, и со своими внутренними усобицами. В период этой борьбы грозный воитель нарушил свои связи и с церковью или, точнее, с высшими духовными лицами Франкского государства, которые погрязли в грубейшей безнравственности и вели рас-

Печать Дагоберта
(628–638).

*Держит в руках
пальмовую ветвь.
Надпись по кругу:
«Дагоберт, король
милостью Божьей».*

**Правление
Карла
Мартелла.**

точительную жизнь. Он, не задумываясь, черпал из церковных имуществ в тех случаях, когда речь шла о борьбе с исламом и особенно о вознаграждении деятелей, которые в этой борьбе оказали существенные услуги государству. Избалованное королями и зазнавшееся духовенство всячески старалось ему вредить и препятствовать и даже пустило в ход легенду о видении некоего духовника: победитель арабов мучился в пламени преисподней за

Подпись Пипина Короткого как майордома (крест). Рукопись 751 г.
Париж. Национальный архив.

Рукой секретаря по-латыни написано: «подпись ... именитого мужа Пипина Майордома». На месте «...» Пипин собственной рукой поставил крест.

свое дурное отношение к духовенству. Несмотря на это, значение Карла было настолько велико, что после смерти Теодориха IV он долгое время мог никем не замещать осиротевший трон.

Смерть
Карла.
741 г.

Майордом Карл умер в 741 г. Из двух его сыновей *Пипина* и *Карломана*, наследовавших ему, последний в 747 г. удалился в знаменитый монастырь, основанный в 529 г. в Кампании в *Монтекассино* на месте бывшего храма Аполлона¹. С той поры Пипин правил один, хотя и от имени совершенно ничтожного меровингского короля Хильдерика III, пока в 751 г. не решил сделать уже давно обдуманый шаг. Он отправил двух духовных лиц к папе *Захарии* (741–752) и предложил ему следующее: не лучше ли будет для франкской церкви, чтобы тот, кто держит в руках власть, носил бы и королевский титул.

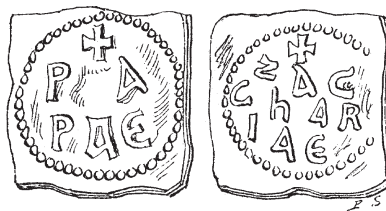
Положе-
ние
церкви.
Пап-
ство.

Это было знаменательным событием в истории Франкского государства, равно как и в истории *папства*. Римские епископы издавна заявляли большие притязания, выдавая себя за наместников святого апостола Петра; и события сложились для них удивительно благоприятно, как бы в подтверждение их притязаний. Пока в восточной греческой церкви продолжались богословские распри и патриарх Константинопольский из-за близости императора оставался в постоянной зависимости от него, от его двора, а также от колебаний и партий, игравших важную роль при каждой перемене в престолонаследии, — западные епископы вели борьбу только с арианством, строго придерживаясь установленной догматической системы, а римский епископ в вопросах веры исполнял обязанность третейского судьи, которую многие

¹ Основателем этого монастыря был *Бенедикт Нурсийский*, давший монахам своей обители правила общежития.

возлагали на него по старому предрассудку, по которому Риму придавалось особое значение, а святой Петр почитался первым римским епископом. Император был далеко и долгое время не принимал участия в делах западных стран. Разъединение между Востоком и Западом становилось все более и более ощутимым; к тому же все романское население Запада, угнетаемое завоевателями-арианами — остготами, вестготами и вандалами — все теснее и теснее заключалось в замкнутый круг и приучалось видеть в кафедре святого Петра естественный центр своей церкви, а в самой церкви как бы восполнение исчезнувшего государственного единства, сближавшее, роднившее их между собой одним общим чувством духовной национальности. Такое отношение романского населения к Риму воздействовало даже на ариан-германцев, вызывало в них некоторую неуверенность, ясно выказывавшуюся во многих отдельных случаях обращения ариан к католической церкви и еще более усилившуюся со времен события 496 г., которое окончательно подорвало значение арианства в Германии. Постоянно возраставшему значению римского епископа угрожала некоторая опасность, когда Велисарий и Нарсес вновь покорили Италию под властью восточно-римского императора: но от нее римский епископ был избавлен вторжением лангобардов. Хотя Рим и признал власть экзарха, над ним не было никакой непосредственной власти, и как дурно ни чувствовал себя Григорий I «под мечами лангобардов», именно в это время Рим стал центром миссионерской деятельности среди германцев. Именно при этом замечательном папе его миссионерам удалось обратить в христианство англосаксов в далекой Британии, и между самими лангобардами стал распространяться свет правой веры в Христа, окончательно установившейся при короле Гримоальде (663–671). Еще страшнее была опасность, грозившая самостоятельности папской власти от лангобардов, особенно при Лиутпранде, замечательнейшем из их королей (714–743), стремившегося покорить весь полуостров, как во времена Теодориха. В это же время римскому епископу удалось порвать свои связи с Константинополем из-за спора об иконах. Неистовства, следовавшие на Востоке после указа 726 г., изданного императором *Львом III Исавром*, воспрещавшего поклонение иконам, не нашли отклика на Западе, где папа *Григорий II*, пастырь осторожный и дальновидный, принял поклонение иконам под свое покровительство.

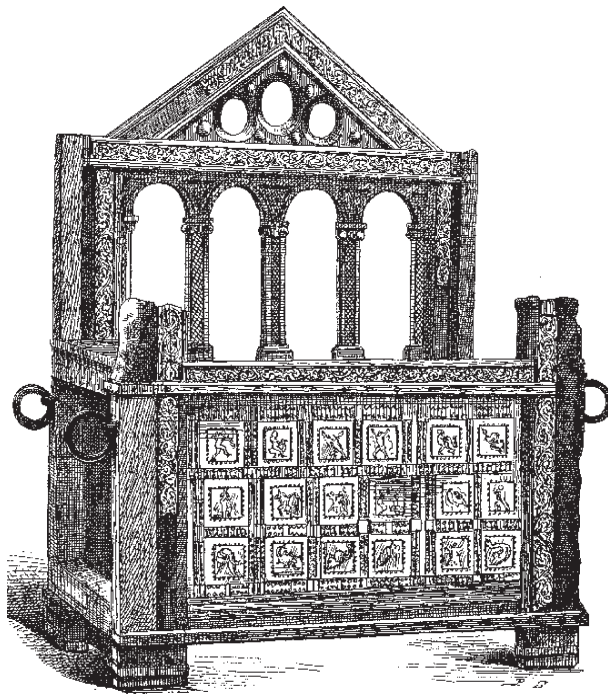
Между тем как Восток уже со второй половины VII в. утратил обширные области, отвоеванные у него исламом, а о миссионерской деятельности и думать не мог — именно этой деятельности открывалось на Западе обширное поприще. Миссионерству здесь посвятило себя преимущественно монашество, проявившее себя и практическим, и деятельным. Образцом всех *монастырей* Запада стал вышеупомянутый бенедиктинский монастырь на Монтекассино. Подобные монастыри появились всюду, и, вместе с тем, среди широко

Монета папы Захарии (741–752).

Миссионерская деятельность монахов.

распространившегося монашества образовалась своего рода «церковь среди церкви» — тесно сплоченная, деятельная община бойцов за идеи, положенные в основу церкви. Каждый вступающий в монашество некоторое время испытывался, прежде чем произносил *обет*, навсегда отлучавший его от мира,

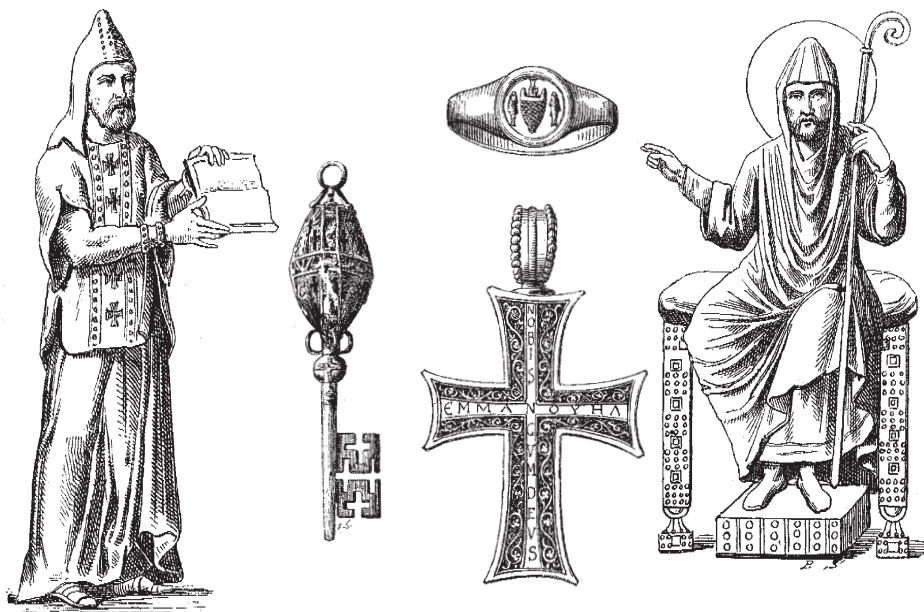
Кафедра св. Петра. Рим. Собор святого Петра.

В действительности изготовлена несколько веков спустя после смерти апостола. Украшена пластинками слоновой кости с изображениями борющихся животных, кентавров и людей.

германским народам: отсюда вышли и *Колумбан*, и *Галл*, проповедовавшие среди аламаннов, и *Эммерам* — просветитель баваров, и *Килиан*, распространивший христианство в Тюрингии. Эти «люди Божьи» не находились еще в тесной зависимости от Рима и даже расходились с римским духовенством по многим вопросам внешней обрядности и культа. Так, они с особой настойчивостью отстаивали авторитет Святого писания, допускали браки в священстве, против которых уже давно восставала римская церковь, совершали богослужение и говорили проповеди на местном языке. В противоположность им духовенство британской церкви, с тех пор как в этой стране стали господствовать англосаксы, старалось поддерживать с Римом самые тесные связи. Миссионеры *Вигберт* и *Виллиброд* проповедовали фризам,

обязывавший повиноваться Богу и его святым и подчинявший безусловной власти *аббата*, отца и настоятеля обители. По правилам святого Бенедикта монахам предписывалось разумное чередование молитвенных упражнений и ручного труда, к которому впоследствии *Кассиодор*, вступивший в этот монастырь в 538 г., отнес и научные занятия. С той поры орден *бенедиктинцев* и во все последующие времена славился своей ученостью. Особенно плодотворной оказалась миссионерская деятельность в *Ирландии*, где христианство установилось не ранее 430 г., а уже с конца VI в. отсюда начали выходить ревностные миссионеры, проповедовавшие евангельское учение пребывавшим еще в язычестве

но первоначально без особого успеха. Об одном из герцогов этого племени, Радбод, часто повторялся известный анекдот о крещении: Радбод уже вступил одной ногой в купель, как вдруг им овладело сомнение относительно его предков, и он спросил крестившего монаха: где они, по его мнению, находятся?

Одежда, атрибуты церковной власти и вещи VII—IX вв. (слева направо).

Монах братства святого Бенедикта в повседневной одежде. Ключ от реликвария, хранящийся в Льеже. Епископское кольцо из сокровищницы собора в Меце. Нагрудный крест епископа, найденный в Риме. Бенедиктинский аббат в капюшоне.

Монах отвечал, что они, как некрещеные, по всей вероятности, находятся в аду. Услышав это, Радбод поспешил вынуть ногу из купели и сказал: «Где находятся эти храбрые, там хочу быть и я». Возможно, подобные случаи повторялись неоднократно.

Со стороны франкской церкви немного было сделано для обращения германских племен, даже покоренных франками. Эта церковь не отличалась внутренней организованностью: борьба с арианством, видимо, более занимала франкское духовенство, нежели борьба против язычества. Франкские епископы, с тех пор как Хлодвиг сблизился с ними, заботились только о том, чтобы извлечь из этого выгоды. Они принимали самое деятельное участие в интригах, которым давали повод разделы королевства; они являлись на все собрания вельмож и народа, какие созывались королями, и пользовались благоприятными обстоятельствами для приобретения власти и богатства. Многие даже прямо выказывали стремление обратить свой епископат в мирское

**Положение
франкской
церкви.
Бонифаций.**

владение. Вопрос о *реформе франкской церкви* стал насущным вопросом: уже Карл Мартелл вступил в борьбу с ее представителями, и из формы запроса, обращенного Пипином к папе Захарии, ясно, что между ним и Пипином происходили кое-какие предварительные отношения по вышеуказанному вопросу. Деятельным орудием этой реформы стал англосаксонский монах *Винфрид*, родившийся в 680 г. в Киртоне в Девоншире и затем безуспешно занимавшийся проповедью христианства меж фризами. В 718 г. Винфрид отправился в Рим, чтобы, запасшись полномочиями и инструкциями папы, продолжать миссионерскую деятельность в Тюрингии. Ему было поручено франкскую церковь и те области Германии, где он будет проповедовать, как можно теснее сблизить с папой и Римом. В 723 г. он вторично побывал в Риме, был посвящен здесь в епископы и получил при этом имя *Бонифация*¹. В год великой битвы 732 г. Григорий III назначил его архиепископом, но без кафедры; в последующее десятилетие он продолжал свою проповедь в Германии в Гессене. При этом он, подобно многим другим миссионерам, действовал на умы язычников не только сильной проповедью, но и тем, что переименовывал их языческие капища в храмы христианских святых, а их празднества приурочивал к дням церковных празднеств. В то же время он боролся против свободомыслия ирландских духовников, проникнувшего в среду франкского духовенства. При помощи правительственной власти он добился некоторых результатов: на германском соборе 742 г. (место, где он происходил, неизвестно) все франкские епископы обязались безусловно подчиняться римской кафедре, и вскоре после того (745 г.) франкское духовенство предоставило ему в управление епископскую кафедру в Майнце. Когда три года спустя папа Захария подчинил 9 франко-германских епархий Бонифацию (Зальцбург, Фрейзинген, Регенсбург, Пассау, Шпейер, Вормс, Кёльн, Утрехт, Тонгр), Майнц стал метрополией всей германской церкви. В 751 г. закончилась и деятельность Бонифация.

Пипин —
король.
751 г.

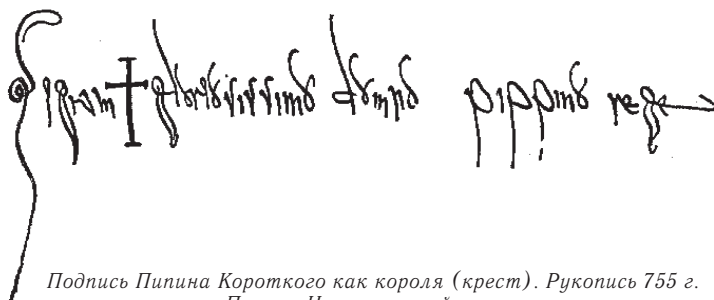
Папа Захария, являвшийся высшей инстанцией для западного мира в разрешении вопросов совести, на обращенный к нему запрос Пипина, конечно, ответил утвердительно. Сообразно с этим ответом последний из меровингских королей — король только по названию — был отправлен в монастырь, и в Суассоне созван съезд духовных и светских сановников. Здесь завершилось учреждение *нового королевства*: состоялось нечто вроде выборов короля с общего согласия франков, и архиепископ Майнцский в качестве папского легата помазал и венчал Пипина королевской короной — как некогда Самуил Давида (751 г.). Без сомнения, эта аналогия приходила на память и духовенству, и тем мирянам, которые были знакомы с библейской историей: при содействии церкви было создано новое королевство. Вскоре после этого Бонифаций передал или предоставил свою кафедру своему ученику *Лулли* и вновь занялся проповеднической деятельностью, которой так страстно увлекался в молодости. «Проповедуя Слово Божье язычникам-фризам»,

¹ Это имя было переводом его англосаксонского имени: Вин-фрет (по латыни *boni-facius* — благоприятный).

он был зверски замучен ими (755 г.) и потому удостоен в потомстве наименования *апостола Германии*. Его останки были погребены в основанном им Фульдском монастыре.

Первый в династии *Каролингов* король Пипин правил до 768 г. Вскоре после восшествия на престол представился случай отблагодарить папу за поддержку, которую тот оказал ему при получении королевского титула. Лангобардский король *Айстульф*, энергично продолжавший начинания Лиутпранда и уже овладевший экзархатом, отлично понимал, что и ему, по примеру Пипина, теперь предоставляется возможность объявить себя королем всей Италии. Поэтому он объявил преемнику Захарии *Стефану II*, что намерен подчинить себе и Рим. Тщетно обращался Стефан за помощью к греческому императору, хотя тот (*Константин V Копроним*) и был яростным иконоборцем; не получив от него желаемого, папа решил обратиться за помощью

**Пипин
и лангобарды.**

Подпись Пипина Короткого как короля (крест). Рукопись 755 г.
Париж. Национальный архив.

Рукou секретаря по-латыни написано: «подпись ... достославного господина Пипина короля».
На месте «...» стоит крест, собственноручно начертанный королем.

к франкам. С этой целью папа Стефан лично отправился за Альпы и в Сен-Дени просил Пипина о помощи. При этом он завершил и как бы скрепил уже совершенное его предшественником: собственноручно помазал нового франкского короля и двух его сыновей и собственной властью наименовал Пипина римским патрицием. Между королем и папой состоялось нечто вроде договора, в силу которого Пипин тотчас приступил к посредничеству между папой и Айстульфом (754 г.). Только когда ничего не удалось добиться путем переговоров, франкский король выступил в поход, которому франкские вельможи, по-видимому, совсем не сочувствовали. Первый поход закончился после удачной для франков битвы миром, по которому Айстульф обязался возвратить папе захваченные лангобардами области и вознаградить франков за военные издержки. Но он нарушил договор: как только франки удалились, он двинулся к Риму и осадил его. Второй поход (755 г.), успешный для франков более первого, вынудил Айстульфа к полной покорности: отвоеванные Пипином у Айстульфа области — экзархат и т. н. *Пентаполис* (береговую полосу от Римини до Анконы) — Пипин, по уговору с папой Стефаном, подарил кафедре святого Петра. Возражения восточно-римского императора ни к чему не привели: его посланцы, явившиеся в лагерь

Пипина под Павией, на заявленные ими требования получили прямой отказ, и ключи Равенны и других городов были переданы в руки папы. Сыновья Карломана, которые могли бы оказаться опасными новому королю, были заключены в монастырь; а сам Карломан в 755 г. умер в одной из франкских обителей. Однако, несмотря на эти предосторожности, Пипин не мог похвалиться спокойным правлением; ему приходилось беспрестанно бороться то с воставшими саксами, то с аквитанским герцогом *Ваифром*, то с арабами (сарацинами), у которых произошла такая же важная перемена, как и во Франкском государстве.

Положе-
ние хали-
фата. Аб-
басиды.

Кровавый переворот — на Востоке обычное явление — положил конец владычеству Омейядов в Дамаске. Родовые распри, издревле столь частые у арабов, стали теперь одним из наиболее важных элементов их жизни, но уже в применении к более обширному кругу действий и к более заманчивым задачам. Старинная вражда хашимитов с курайшитами возродилась в виде борьбы партии, требовавшей более строгого религиозного направления по сравнению с тем слишком уж мирским характером, который носило на себе правление Омейядов: против 12-го халифа династии Омейядов Мервана II восстал *Абдаллах Абу-л-Аббас*, глава одного из родственных пророку домов. Одержав победу, Аббас беспощадно приказал умертвить всех Омейядов, которые попались в его руки, за что он получил прозвище «*ас-Саффар*», т. е. «Кровожадный». Этот Аббас и был родоначальником династии *Аббасидов* (750—1258). От руки убийц успел спастись только один представитель династии Омейядов, *Абд ар-Рахман*, сын Муавии, бежавший за Евфрат, затем в Египет и в берберийские владения и наконец, после тысячи приключений, появившийся в Испании, в Европе. Здесь он застал междуусобную войну в господствующем племени и вскоре нашел себе приверженцев (752 г.). Он сумел отбить все нападения со стороны аббасидской династии и ее сторонников, образовал независимый халифат, избрав столицей *Кордову* (Кардубу), и здесь в 788 г. умер. Однако владения арабов в Галлии стали уходить из-под их власти; после долгой борьбы в 759 г. у них был отбит и *Нарбонн* — их главный оплот за Пиренеями. Завоевание Нарбонна было последним подвигом нового франкского короля: Пипин скончался в 768 г.

Печать Пипина Короткого (752—768).
Париж. Национальный архив.